

Борис СИЗОВ

ОБ ОТЦЕ

Он был другом моего отца. Отец был старше Бориса Григорьевича Сизова (1915–1994) на пять лет, но даже он в домашнем нашем обиходе ласково называл своего младшего коллегу «дядя Боря». Человек необычайного обаяния, открытости, приветливости, готовности пойти навстречу. Он не был смешлив, но не помню его без улыбки на лице. Наверное, ту жизнь, что досталась ему уже после довоенных мытарств, можно было встречать только с улыбкой. А до войны было исключение из Ленинградского политеха, ссылка, жизнь в казахском Иргизе, потом утеба в Горьком, диплом с отличием инженера-кораблестроителя. После окончания вуза — Мурманск, и на следующий год — война. С первого до последнего дня в Мурманске, под огнем, на 35-м судоремонтном Министерстве обороны. В 40-м влюбился, в 41-м женился, в 43-м родилась дочь, а еще и двое сыновей после войны.

Такие люди не гнутся перед жизнью!

Тому, кто не мог идти в бомбоубежище, а с объявлением, да ни один раз в день, воздушной тревоги, бежал в док, чтобы быть готовым к любым неожиданностям, конечно, такому в мирное-то время командовать заводом в Кандадакше, руководить в Министерстве рыбного хозяйства главком, организовывать в Сенегале базы, обеспечивающие наш океанский промысловый флот, можно жить только с улыбкой.

Из какого материала они сделаны: дядя Боря, мой отец, их коллеги, друзья? Из той особой человеческой материи, что именуется — интеллигенция.

Русская инженерная интеллигенция совершенно органически вошла в советскую жизнь, поскольку смысл своей жизни они видели в созидании, в инженерном творчестве, а не в барыше, барахле, деньгохватстве.

Рассказывая о своем отце, Борис Григорьевич, гудесный «дядя Боря», как мне кажется, хочет предъяснить жизнь, прожитую мужественно и достойно.

Такие свидетельства и есть национальное богатство, укрепляющее наш дух, дающее силу не принимать «беды» слишком всерьез, а по возможности с улыбкой, жить, не бояться любого труда, созидать, любить свою Родину и в горе и в радости и всю жизнь дружить с близкими по духу, вере и судьбе.

Михаил Кураев

Когда я пытаюсь восстановить в своей памяти образ отца, то никак не могу найти то обобщающее определение, которое в полной мере давало бы представление о нем. Вместе с тем память рисует черты человека какого-то естественного благородства, высокого долга и бескорыстия. Пожалуй, самым сильным стремлением у него было — дать своим детям хорошее образование и соответствующее место в обществе. Вот почему даже теперь, когда мы встречаемся с братом Витей и ведем разговор о тех или иных результатах нашей деловой или научной деятельности, обычно кто-то из нас с благоговением говорит: как бы рад был наш отец, если бы он об этом узнал.

Жизненный путь отца никак нельзя назвать легким. Родился он сто лет тому назад, в 1880 году, и вся лучшая часть его жизни проходила в бурные годы войн и революций: русско-японская война 1904–1905 годов, революция 1905 года, Первая мировая война 1914 года, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Гражданская война 1917–1922 годов, война с Финляндией в 1939–1940 году и, наконец, Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Как и во многих семьях России, мужская часть нашего рода не умирала естественной смертью. Дед Михаил Зуев (отец мамы) погиб на Шипке в турецкую войну, дед Иоасаф (отец моего отца) погиб в гражданскую войну (был убит шальной пулей в своем доме в Вырице при наступлении белых), отец наш погиб от истощения на станции Котельнич в 1942 году после того, как был эвакуирован из блокадного Ленинграда через Ладожское озеро. Все они похоронены в братских могилах.

Если попытаться восстановить, хотя бы в самых общих чертах, нашу родословную, то сведения оказываются крайне скудными. Большинство людей так устроены, особенно наши современники, что о прошлом мы начинаем задумываться только тогда, когда появляется ощущение конечности собственного жизненного пути. И теперь мы с братом часто сожалеем, что не расспросили и не записали все то, что знали наши родители, так как память сохранила лишь немногие факты или эпизоды. Из семейных документов или альбомов тоже почти ничего не уцелело, так как Ленинград, где мы родились, нам пришлось дважды покидать при чрезвычайных обстоятельствах: первый раз при административной высылке в 1935 году (начало «ежовщины») и второй раз в блокаду в 1942 году.

Достоверно известно, что наши родители родились в Санкт-Петербурге: мама 21 февраля 1879 года, а папа 20 января 1880 года. Родители мамы были из Тверской губернии, а родители отца происходили из разных мест. Дед по линии отца — из крестьян села Левашово Костромского уезда (Костромской губернии), родился, приблизительно в конце 30-х годов XVIII столетия, причем прадеда звали Александром, так как дед был Иоасаф Александрович. Известно, что дед был энергичным деловым человеком, имел профессию каменщика, строил дома и мельницы в приволжских городах, стал десятником и, скопив какие-то средства, обосновался в тогдашней столице России Санкт-Петербурге. Дальнейшая его деятельность продолжалась в каком-то акционерном обществе. Женился дед в Петербурге, и о его жене, нашей бабушке, известно только, что звали ее Мария и по национальности она эстонка с острова Даго (теперь Хийумаа). Вот и все, что сохранила память о наших ближайших предках.

Наш отец, окончив гимназию, что по тем временам было достаточно для поступления на государственную службу, с марта 1897 года начал работать в Департаменте торговли и мануфактур министерства финансов. Помнится, как рассказывал отец, начинал он свою деятельность в Министерстве с переписывания различных служебных бумаг, и не только потому, что пишущих машинок в то время было еще мало и они были довольно несовершенны, а главным образом, с целью выработки у молодых чиновников принятого тогда стиля изложения и отработки четкого, красивого почерка. Последний был совершенно необходим, когда готовились так называемые всеподданнейшие доклады для царя. В те времена считалось непочтительным подавать столь высокой особе бумаги, напечатанные на машинке. Естественно, что переписывание бумаг было занятием крайне утомительным, так как требовало постоянного, напряженного внимания. На глянцевого бумаге, синими чернилами, обычно пером «рондо» нужно было написать бумагу так, чтобы не было не только ни одной ошибки, но и подчистки, что очень легко проверялось, если посмотреть на бумагу в отраженном свете.

На военную службу или, как называлось раньше, для отбывания воинской повинности отец был призван в апреле 1903 года и служил в тогдашнем Гельсингфорсе (теперь Хельсинки). Перед отправкой на службу он сфотографировался вместе с нашим дедом, и это одна из немногих сохранившихся фотографий тех лет.

По окончании военной службы, в ноябре 1905 года, отец вернулся на работу в свое министерство, в учебный отдел. В начале 1906 года (15 января) состоялось бракосочетание наших родителей, а 19 февраля 1908 года родился наш старший брат Лева. На семейной фотографии, сделанной летом 1908 года, он на руках у дедушки и бабушки.

Ни я, ни брат Витя не знаем, чья была инициатива перехода отца из министерства в Политехнический институт, но в «трудовом списке» записано: август 1909 года — переведен на службу в Политехнический институт на должность делопроизводителя канцелярии по студенческим делам.

Интересен сам документ, на основании которого я указываю все даты жизненного пути отца. 12 сентября 1926 года было принято ПОСТАНОВЛЕНИЕ Совета Народных Комиссаров Союза ССР о трудовых списках, подписанное заместителем Предсовнаркома Союза ССР А. Цюрупой и секретарем Л. Фотиевой. В первом пункте этого документа записано: «Все государственные учреждения и предприятия (общесоюзного, республиканского и местного значения), а равно и акционерные общества (паевые товарищества), с преобладающим участием государственного капитала, обязаны вести на каждого служащего трудовые списки». В пункте 4 ПОСТАНОВЛЕНИЯ оговорено: «Требования о заполнении служащими каких бы то ни было анкет, связанных с состоянием на работе в упомянутых в ст. I учреждениях и предприятиях, после введения трудовых списков не допускается». Вот это борьба с бюрократизмом!

Переезд отца с только что образовавшейся семьей в Политехнический институт и работа в институте на протяжении более двадцати пяти лет, в лучшие годы его жизни, были важнейшими событиями не только в его личной жизни, но и в судьбе всей нашей семьи.

Как известно, решение о создании Политехнического института (Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого — так он тогда назывался) было принято 19 февраля 1899 года — это дата утверждения царем доклада министра финансов С. Ю. Витте. Для тогдашней России, экономика которой в значительной степени зависела от иностранного капитала, а среди руководителей промышленности было менее четырех процентов с высшим и средним специальным образованием, создание Политехнического института имело исключительное значение. Закономерно поэтому, что к организации института и преподаванию в нем с самого начала были привлечены наиболее выдающиеся ученые того времени. Во главе строительной комиссии и одновременно директором будущего института был назначен крупный ученый, блестящий организатор, большой труженик, весьма прогрессивный по тем временам человек, князь по происхождению, имевший большие связи при дворе, Андрей Григорьевич Гагарин. Благодаря его исключительной энергии институт был построен за два с половиной года, и в октябре 1902 года начались занятия.

Сам институт был построен за городом, в восьми верстах от Финляндского вокзала, на поросшем сосновым редколесьем участке земли с сухой песчаной почвой. Всех, кто хорошо знает этот институт, до сих пор изумляет рациональность и продуманность планировки, полноты насыщения всеми необходимыми для обучения лабораториями, сооружениями, установками, качество и долговечность по-

_строек и инженерных сетей. Для всех работников института были предусмотрены великолепные квартиры, а для студентов хорошо оборудованные общежития.

Первая квартира, которую получил отец при переезде в институт, состояла из шести комнат со всеми удобствами, двумя входами и небольшим садом. Как рассказывала мама, дрова для отопления, вода, электроэнергия и телефон полагались бесплатно (электрификация и телефонизация квартир в институте были предложены М. А. Шателеном и осуществлены при его участии). В зданиях для профессуры и общежитиях отопление было центральное, и во многих квартирах газ.

Попав из мира чиновного, косного и казенного в окружение студентов, преподавателей, ученых, где дух высокой интеллигентности и бескорыстной деятельности царил во всех действиях людей и их общении, наши родители быстро освоились в нем. Благотворное влияние этой среды несомненно сказалось в дальнейшем и на формировании духовного облика всей нашей семьи. С чувством глубокого уважения отец часто рассказывал дома о многих ученых, профессорах, студентах и просто сотрудниках, с которыми ему приходилось общаться по роду своей деятельности. Звучали фамилии Миткевич, Посников, Боклевский, Иоффе, Мещерский, Шателен и других ученых, фамилии учившихся в институте в дореволюционные годы Капица, Болотов, Фрунзе, значение которых в науке и судьбах страны мы, дети, смогли понять только много позднее, когда сами становились студентами и инженерами. Общая атмосфера, сохранявшаяся в Политехническом институте до самого его расформирования в 1930 году, всегда характеризовалась особым духом высокого научного потенциала, сознанием своей значимости, спокойной деловой обстановкой. Этому в немалой степени способствовали удаленность института от городской суеты, разумные и прогрессивные традиции, заложенные основателями и организаторами института при его создании.

Отец, всегда относившийся к своим служебным делам с большой ответственностью и даже щепетильностью, уже через несколько лет работы в институте стал заметной фигурой, в чем мне неоднократно приходилось убеждаться в своей жизни. Дело в том, что в те времена каждый студент за время пребывания в институте много раз обращался в канцелярию по всем жизненным вопросам. Прием в институт, получение зачетной книжки (с автографом отца на фотографии студента), воинский учет, проезд по железной дороге (существовал специальный литер) и даже разрешение на женитьбу (в дореволюционные годы) — все проводилось студенческой канцелярией. Поэтому ее заведующий, обеспечивавший всегда четкое, своевременное и аккуратное исполнение всех полагавшихся канцелярии функций, запоминался почти всем студентам, окончившим институт. Даже в 1956 году, когда мне пришлось обсуждать тему аттестационной работы с заместителем начальника Академии морского флота профессором А. В. Голыным (я в то время оканчивал академию), в разговоре мы установили, что оба учились в Политехническом институте (он еще до революции, а я в 30-х годах) и что я сын того Сизова, который заведовал канцелярией.

Я, к своему немалому удовольствию, услышал много весьма лестных слов о тех порядках, которыми отличалась студенческая канцелярия, когда ею заведовал отец.

В 1910 году родился брат Витя. Два сына, их будущее постепенно входило в интересы отца. Все хлопоты по уходу за детьми обеспечивали мама и бабушка Ксения, которая с момента образования семьи жила вместе с ними. В окружении отца было много наглядных примеров воспитания и обучения детей. Одногодками моих братьев были дети профессора М. Г. Окнова, жившие в соседней квартире, много детей такого же возраста было в профессорском доме (Кинды, Ивановы, Иоффе), других сотрудников института (Пилярские, Скобелевы, Константиновы).

Как правило, для всех нанимали учителей по французскому и немецкому языкам, музыке. Большинство детей готовилось к поступлению в коммерческое училище, расположенное недалеко от института. Училище это было несколько необычным, особенно по своему педагогическому составу. Интересно, что появление этого училища было результатом стараний и дальновидной деятельности директора Политехнического института А. Г. Гагарина. Исходя из необходимости обучения и подготовки к поступлению в институт детей его сотрудников и проживающего поблизости от него населения, был создан попечительский совет под председательством самого Гагарина, который обратился в Министерство просвещения с просьбой о постройке и открытии коммерческого училища по образцу появившихся в те годы в России такого рода средних учебных заведений, наиболее хорошо готовивших своих питомцев для дальнейшего образования в высших технических учебных заведениях. Бюрократический аппарат министерства не торопился с удовлетворением этого ходатайства, что, естественно, не устраивало ни попечительский совет, ни энергичного и деятельного председателя его — А. Г. Гагарина, который, несмотря на громадную занятость делами института, взял на себя эту ответственную роль. Дело кончилось тем, что попечительский совет собрал добровольные взносы с родителей будущих учеников, приобрел два деревянных сруба, и в 1904 году коммерческое училище было открыто.

Об уникальности состава преподавателей свидетельствуют хотя бы такие два примера: директором училища был профессор Боч Геннадий Николаевич, ученый-ботаник и почвовед из Лесотехнического института, а физику в этой школе преподавал будущий академик, глава русской школы физиков А. Ф. Иоффе. Авторитет этого училища был столь высок, что большинство родителей стремились поместить своих детей именно в него. Мои братья Лева и Витя тоже учились в этом училище, а дома занимались французским и музыкой (на рояле) с приходившими учителями.

В 1914 году, в июне, отец был призван в армию и назначен в роту носильщиков в перевязочный отряд 2-й Гвардейской пехотной дивизии. В ходе войны, в феврале 1915 года, как имеющий среднее образование и стаж работы в министерстве, он был переведен на должность заведующего хозяйством полевого военно-санитарного поезда № 101 в звании чиновника военного времени. К этому времени, участвуя в боях за Ивангородскую крепость, отец был награжден Георгиевской медалью «За храбрость».

Главным врачом санитарного поезда, на котором отец служил до февраля 1918 года, был Алексей Николаевич Андреевич — крупный медик (из дворян), пользовавшийся известностью в медицинских кругах Петрограда. По рассказам отца, в медицинском составе поезда было несколько интересных персон, из тогдашней знати. Например, сестрой милосердия была дочь генерала Н. В. Рузского, командовавшего Северным фронтом и известного впоследствии своим непосредственным участием в акте отречения царя Николая II от престола, в его ставке царь подписал акт отречения.

В 1915 году появился на свет я. Как рассказывали родители, родился я 1 апреля (по старому стилю, отмененному после революции), и потому телеграмма, отправленная отцу и заставшая его где-то в районе Риги, не сразу была принята всерьез. Естественно, на поезде отца все поздравляли, а Ольга Николаевна Рузская заявила, что она непременно будет крестной матерью новорожденного. Думаю, что такое заявление не особенно обрадовало отца, так как он был достаточно самолюбив и не стремился к обществу аристократов, где чувствовал бы себя не на равных. Однако мне все же «повезло»: крестным отцом моим стал лейб-гвардии Преображенского

полка поручик Николай Андреевич, сын Алексея Николаевича Андреевича, с которым отец дружил, был знаком семьями и потому не мог отказать в его предложении. В день моих крестин к нашему скромному дому в институте подъехала машина с флажком командующего, в которой приехала О. Н. Рузская со своим кавалером Кульневым и, поздравив родителей, очень «сожалела», что опоздала к церемонии (моей крестной стала Мария Георгиевна Андреева — жена одного из сослуживцев отца).

После Октябрьской революции и распада старой армии отца демобилизовали, и с февраля 1918 года он приступил к работе в канцелярии института. Обстановка в Петрограде быстро изменялась, надвигалась разруха, голод, начиналась Гражданская война. В июне 1919 года отец вновь был призван, теперь уже в Красную армию и последовательно назначался сначала в штаб пограничной дивизии, затем санитаром на военно-санитарный поезд № 1010 и, наконец, опять заведующим хозяйством этого же поезда. В июле 1921 года он уволен из армии и снова вернулся в канцелярию института.

Годы, прожитые без отца, были для нас исключительно тяжелыми. Один за другим умерли бабушка Ксения — в 1917 году, дедушка Иоасаф — в 1918 году и вслед за ним бабушка Мария. Страшный голод, трое детей, причем братья уже учились в школе (Лева с 1916-го, а Витя с 1918 года), разные болезни (скарлатина, испанка) — все это свалилось на одну маму. Отец появлялся редко и ненадолго, когда поезд приходил в Петроград, чтобы сдать раненых или больных (в те годы свирепствовали холера и тиф). И все же он умудрялся оказывать существенную помощь своей семье — привез породистых коз, чтобы мы пили молоко, разделал огород, где только удавалось, обменивал домашние вещи на продукты. Авторитет отца в институте был столь высок, что в 1920 году правление института назначало нашей семье паек, учрежденный в те годы для ученых страны. Это сразу облегчило наше положение.

С возвращением отца из армии жизнь стала быстро налаживаться. В 1923 году мы переехали на другую квартиру. Дом дачного типа имел два этажа и четыре квартиры, располагался он вблизи от главного здания института и церкви (теперь на месте этого дома находится выход из станции метро). Квартира была более удобной, чем предыдущая, и состояла из пяти комнат и большой открытой веранды, к тому же имела два входа — парадный и черный. Жили мы на втором этаже.

Осенью 1923 года я начал учиться в той же школе, где учились братья. Коммерческое училище к этому времени было переименовано в 168-ю Единую трудовую среднюю школу. Большинство учителей и директор школы были еще прежние, и влияние их на нас, учеников, было столь значительно, что мы быстро проникались уважением и любовью к своей школе. Мне этому способствовал, конечно, и пример старших братьев, всегда учившихся хорошо и часто рассказывавших о своих замечательных педагогах. Сам Г. Н. Боч преподавал химию и демонстрировал довольно сложные опыты, Н. И. Снегирев учил физике и демонтировал разные машины и приборы, географию преподавал Г. И. Иванов — известный путешественник и автор знаменитого учебника географии, по которому училось несколько поколений учеников. Школы этой теперь уже нет, но и по сей день все, кто в ней учились вспоминают ее с благодарностью и даже иногда устраиваются встречи бывших ее учеников, чтобы вспомнить и воздать должное ее организаторам и педагогам.

Заведуя канцелярией института, отец ежегодно назначался секретарем приемной комиссии и потому был непосредственным свидетелем тех изменений, которые происходили в условиях приема в институт. С каждым годом все больше де-

лался упор на социальный отбор при приеме в институт. В число студентов в первую очередь принимались дети рабочих и крестьян, особенно если они имели еще и трудовой стаж. Для детей служащих и прочей интеллигенции ужесточались конкурсные экзамены, а часто их и просто «резали» на экзаменах. Но даже если такой абитуриент и выдерживал экзамены, то ему просто отказывали в приеме. Неудивительно поэтому, что часто были и трагические исходы. Молодые люди, которым по несколько раз отказывали в приеме, кончали с собой. Отец, рассказывая все эти истории нам, часто говорил о необходимости самой тщательной подготовки еще в школе, тем более в последних ее классах. Мы все знали, что самым большим желанием наших родителей было увидеть нас всех студентами и инженерами, так как в те годы это звание звучало куда авторитетнее, чем теперь, скажем, кандидат наук.

И братья усердно и много занимались. Старший брат Лева, став юношей, увлекся химией, и с разрешения и с помощью отца дома, в маленькой комнате около кухни была организована химическая лаборатория. Лева и Витя проводили в ней много разных интересных опытов (получение кислорода, водорода, хлора, разных солей и т. п.), а я им помогал. Было много различной химической посуды, спиртовок, реактивов, и, наверно, только благодаря внимательности и аккуратности брата Левы с нами ни разу не случилось никакой беды. В дальнейшем маленькая комната была отдана мне, а мы к тому времени все вместе с отцом увлеклись изготовлением радиоприемников не только детекторных, но и ламповых — последнее достижение тех лет.

В 1924 году, за год до окончания школы Левой, отец организовал первый выезд всей семьи на дачу. В то время моя крестная жила в Осташкове, на озере Селигер. Списавшись с ней, мы и кое-кто из знакомых приехали сначала в Осташков, а затем пароходом в деревню Неприе. Это была интереснейшая поездка в совершенно необыкновенные по красоте места. В деревне мы жили у очень симпатичных людей, сдавших нам часть своего дома. Катались на лодках, ловили рыбу, собирали ягоды и грибы и за лето получили великолепную зарядку на весь учебный год. Если учесть, что в те годы, кроме нас, из приезжих в деревне никого не было, а все продукты были баснословно дешевы, то естественно, что впечатление о прелестях первой семейной поездки сохранилось на всю жизнь.

В 1925 году, не без помощи отца, но после успешной сдачи экзаменов, старший брат стал студентом. Как рассказывал отец, председатель приемной комиссии, в то время эту роль выполнял обычно кто-нибудь из «красных» директоров крупных заводов, несколько раз откладывал в сторону документы брата, читая, видимо, только главный тогда пункт анкеты: сын служащего. Только когда директор института сказал, что это сын старого работника института, брата зачислили на Электромеханический факультет, который он и закончил в 1930 году. Радость в семье была огромная. Лева купили студенческую фуражку, новый настоящий кожаный портфель — этот портфель дошел и до меня, я с ним окончил в 1939 году кораблестроительный факультет в г. Горьком. Родителей поздравляли все знакомые. Отец был счастлив и говорил, что незадолго до этого, он даже во сне видел, что Лева студент.

Отец, продолжая заведовать канцелярией, все время совершенствовал ее работу. Мне запомнилось, как иногда по воскресеньям он брал меня с собой в канцелярию, и я с благоговейным страхом входил вместе с ним в огромный зал, где стояло несколько десятков письменных столов и шкафов с делами, а в центре два ряда пишущих машинок (системы «Ундервуд») на специальных низеньких столиках. У отца, в отличие от других, письменный стол был в виде шведского бюро, которое

закрывалось выдвижной шторкой. После этих посещений я обычно владел разными хорошо заточенными карандашами, резинками, перьями и другими канцелярскими принадлежностями.

В 1926 году была организована новая летняя поездка семьи, теперь уже в Смоленскую губернию, в глухую деревню верстах в сорока от Дорогобужа. Лето мы прожили чудесно и, полные сил, с осени опять взялись за учебу. Помнится такая деталь: поскольку отпуск у отца был короче наших каникул, то он уехал домой раньше и жил до нашего возвращения один. Будучи очень плохо приспособленным к домашним делам, питался он, видимо, неважно, а уж с посудой и вовсе ему было трудно. Выручало его то, что в буфете был громадный столовый сервиз, персон на сорок, вот он и пользовался им. Слегка ополаскивал тарелки после еды и складывал на большой стол. К нашему приезду весь стол был заставлен тарелками, и мама сразу принялась за мытье и укладывание сервиза на место.

В 1927 году в институт поступил Витя. Как он теперь вспоминает, встал вопрос о выборе факультета. Отец советовался по этому вопросу с К. Н. Боклевским, деканом кораблестроительного факультета, который он организовывал и возглавлял с момента создания института. Поинтересовавшись наклонностями брата, Константин Петрович порекомендовал поступать на его факультет, который считался, правда, очень трудным, но зато давал прекрасную инженерную подготовку. Совет такого авторитета, как К. П. Боклевский, одного из наиболее выдающихся кораблестроителей России, оказался, видимо, решающим, и Витя стал готовиться к вступительным экзаменам. Отец достал и принес ему около пятисот задач по математике, предлагавшихся поступающим на конкурсных экзаменах. Большинство этих задач постепенно были решены, все экзамены успешно сданы, и брат стал студентом кораблестроительного факультета. Ему тоже купили студенческую фуражку, портфель, а кроме того, отец подарил Лева и Вите авторучки с золотыми перьями, что тогда было большой редкостью. Вскоре вышло запрещение носить форменные фуражки, новое студенчество их не признавало, так что Вите поносить фуражку не пришлось.

Здесь уместно сказать о взглядах отца на воспитание нас — детей. Полушутя-полусерьезно отец говорил, что пока мы учимся в школе, о нас заботится мама, когда наступает время учебы в институте, за дело берется он. Видимо поэтому, отец никогда не ходил в нашу школу и никогда не понукал нас в учебе. В школе бывала только мама и то очень редко. Она же следила за приготовлением уроков. Но вот в последнем классе отец начинал интересоваться успехами, но только в разговорах с нами. Наверно, он чувствовал, что необходимость в учебе, интерес к познаниям, стремление получить высшее образование в нас достаточно сильны, и поэтому не докучал лишними напоминаниями и уговорами.

Вообще отец в отношениях с нами, сколько я помню, был всегда очень ровен и никогда не задевал нашего самолюбия. Помню, мама говорила, что характер у него вспыльчивый, но в семье этого заметно не было. Уже в переходном возрасте, от отрочества к юношеству, отец общался с нами с позиции старшего, авторитетного, но товарища.

В 1930 году началось расформирование Политехнического института и деление на самостоятельные высшие учебные заведения. Ряд факультетов, превратившихся в институты, вообще уехали в другие места. Так, например, родился Ленинградский кораблестроительный институт в Лоцманском переулке, другие остались в прежних зданиях. Появился Инженерно-физический институт, Гидротехнический, Электромашиностроительный и другие. Отец, так же как и многие профессора, не

понимал и не видел ничего хорошего в происходившем и очень переживал ломку всего устоявшегося и оправдавшего себя на протяжении многих лет. Сам он был назначен секретарем созданной ликвидационной комиссии и потому был в курсе всех происходивших событий. Забегая вперед, можно сказать, что жизнь подтвердила неразумность проведенного мероприятия, и через четыре года вновь был создан единый, теперь уже Индустриальный институт, а после Великой Отечественной войны было восстановлено и название — Политехнический. Отец, которому в 1930 году было пятьдесят лет, был еще вполне работоспособным и, безусловно, опытным в своих делах специалистом. Однако происходившая непонятная ломка привычных служебных устоев, чехарда с назначениями по службе (за четыре года его девять раз перемещали по службе) не прошли для него бесследно, и у него развилась грудная астма. К чести его, среди домашних он никогда не жаловался ни на неприятности по службе, ни на свое здоровье. Ко всему добавилось еще беспокойство о моем будущем. Если старшие братья успешно учились в институте, то у меня учеба в средней школе прервалась, так как восьмые и девятые классы в школах были закрыты, а после семи классов всем нам рекомендовалось работать на производстве. Отец был очень озабочен, много думал, как лучше поступить, а тут я сам еще заразился идеей поступить в среднее мореходное училище, чем подлил, как говорят, масла в огонь. Отец несколько раз подробно мне рассказывал, что такое жизнь моряка, главным образом ее отрицательные стороны, но это мало на меня повлияло. Вопрос разрешился сам собой. Когда я поехал в училище (на Васильевском острове в Ленинграде) и показал свои документы, мне сказали, что детей служащих не принимают. В то же время вышло решение: временно открыть восьмые классы, и, таким образом, я опять оказался в школе. Однако отец смотрел дальше, и, учитывая, что после восьмого класса все равно придется работать на производстве, он посоветовал и помог с середины восьмого класса перейти в ФЗУ при Физико-техническом институте, так как учеба в ФЗУ засчитывалась в производственный стаж (вот почему я член профсоюза с 1930 года). После окончания первого курса (ФЗУ было двухгодичным), чтобы подготовиться к поступлению в институт, отец помог мне перейти на четвертый курс вечернего рабфака, а работать я стал в одной из мастерских Политехнического института, иначе на рабфаке учиться было нельзя. В итоге, окончив рабфак в 1932 году, я сдал экзамены и был принят в Инженерно-физический институт, впоследствии получивший старое название физико-механического факультета. Мечта отца видеть нас всех студентами и инженерами сбывалась.

Старший брат Лева женился в 1934 году и переехал жить в комнату своей жены Вероники (Вероника Борисовна Бушуева — дочь выпускника Политехнического института). К этому времени мы жили уже в новой квартире, во втором профессорском корпусе, в которой было три комнаты, но с хорошей кухней, прихожей, ванной. Отцу, правда, было трудно, так как квартира была на четвертом этаже и подниматься по лестнице с его астмой часто было мучительно.

Наступил 1935 год. Год этот для нашей семьи был драматическим и в корне изменил все наше будущее.

Как обычно, в начале года я сдал экзамены зимней зачетной сессии и начал заниматься во втором учебном полугодии. Братья мои, окончив институт (Лева в 1930-м, Витя в 1932 году), работали на заводах. Отец в это время был секретарем учебно-методического кабинета Индустриального института. В марте, кажется числа девятого, ночью в нашей квартире раздался настойчивый звонок в дверь. Залаля собака Веста, я пошел открывать дверь. На площадке стояло несколько чело-

век, в том числе знакомые работники института (оказавшиеся понятыми). Мне показали ордер на право обыска и ареста, и пришлось всех впустить в квартиру. Папа, мама и Витя быстро оделись, и начался обыск. Мы были настолько потрясены происшедшим, что не знали, что и думать. Видимо, из-за такого состояния я плохо запомнил детали этой оскорбительной процедуры. Запомнилось страшное волнение родителей, дурацкие вопросы производивших обыск, вроде таких: почему в детской копилке было несколько серебряных монет царской чеканки, где наши личные дневники? Помню, как из семейных альбомов были изъяты фотографии всех знакомых, а также наших родителей в молодые годы. Но самое страшное было в конце. Забрав большинство наших документов, старший из группы сказал отцу, чтобы он одевался, так как поедет с ними. С мамой началась истерика, мы с Витей помогали отцу собраться, и скоро все уехали.

Близилось утро, Витя стал собираться на работу, а я торопился к брату Леве, чтобы предупредить его до ухода на завод. Мне это удалось, Лева был страшно удивлен моим неожиданным появлением, но, узнав причину, сразу стал успокаивать, считая все происшедшее глупым недоразумением. После работы оба брата приехали домой, и мы старались, как могли, успокоить маму. Вместе с ней вспоминали весь жизненный путь отца, и, кроме честного выполнения им служебного и гражданского долга, ни мама, ни братья ничего предосудительного в его жизни найти не могли. Приходилось только ждать дальнейшего хода событий, хотя беспокойство об отсутствующем отце все возрастало.

Наконец на второй день приехал отец в довольно сносном настроении и сказал, что через день поедет за документами. Напряжение несколько спало, мы продолжали заниматься своими делами: братья на работе, я в своем институте, но на душе было беспокойно. Кажется, через день отец уехал за документами, его долго не было, а когда вернулся, было ясно: что-то случилось. Вместо документов он привез предписание, по которому вся наша семья, за исключением Вероники, должна была выехать в Казахстан, в Иргиз сроком на пять лет. Время на сборы определялось в два дня. Отъезд предписывался специальным поездом с Московского вокзала. Это прозвучало как гром среди белого дня. У всех был один вопрос: что делать, как быть? Представлялось невозможным бросить все: работу, учебу, круг друзей и знакомых, квартиру, все имущество, наконец, Ленинград, то есть все, что сложилось за целую жизнь, было дорого, как сама жизнь. Семье, которая никогда никуда не переезжала, кроме как с квартиры на квартиру, вдруг надо было ехать в какую-то неизвестность: куда, зачем, почему? Особенно было тяжело отцу, который невольно чувствовал себя виновником всего этого. Мы тогда еще не знали и не предполагали, что являемся одними из первых, кто подвергнулся впоследствии репрессиям, что эти репрессии позднее приобретут массовый характер и достигнут своего апогея в 1937 году.

Однако предаваться переживаниям было некогда, сорок восемь часов — это не так уж и много. Братья старались успеть получить расчет на работе, отец тоже — дорога безусловно потребует расходов. Мне в институте делать больше было нечего, и я туда больше не ходил. Буквально распахав кое-что из вещей по знакомым, а многое просто бросив, мы с несколькими чемоданами и узлами приехали на вокзал, нашли свой состав и без всяких проводов тронулись в путь: большинство знакомых просто боялось провожать выселяемых. С нами поехала и Вероника, не желая расставаться с мужем, нашим братом Левой. Было это 14 марта — в день маминих именин.

Целый состав таких же, как мы, людей были в состоянии какой-то прострации, еще не до конца осознав, что они куда-то едут. Начали понемногу знакомиться,

высказывались разные предположения, некоторые пытались организовать коллективное письмо правительству, Сталину и передать его в Москве через приемную М. И. Калинина. Но поезд прошел мимо Москвы, и ничего не состоялось.

Сначала по ташкентской дороге привезли нас на станцию Челкар, выгрузили под открытым небом и продержали так дня два. За это время нас догнал дядя Митя — муж подруги Валентины Дормидонтовны, матери Вероники, — и забрал ее от нас по поручению всей ее семьи — так закончилось это ее самоотверженное путешествие. Затем нас опять погрузили в поезд и повезли в обратном направлении до станции Нинель, от которой поезд пошел на восток. Конечным пунктом оказался Кустанай, где нас поместили в заколоченные на зиму казармы. Позже сообщили, что дальше мы поедем на быках, запряженных в сани, было еще много снега, и стояли морозы. В конце концов через три дня пути, который молодежь проделала пешком, а пожилые люди на санях, мы прибыли в районный центр Семиозерное, в ста пятидесяти километрах от Кустаная. Здесь нужно было устраиваться жить.

Все время пути мама и папа были в подавленном настроении, а мы, как могли, их успокаивали и бодрили. Молодость есть молодость, и она делала свое дело. За те немногие дни у нас уже появились знакомые, от мрачных мыслей нас отвлекала новизна условий и обстановки, на жизнь мы смотрели довольно оптимистично. И все же пять лет предстоящего отрыва от культуры, работы по специальности и учебы часто тревожили душу. Думалось также, что если нас так бесцеремонно, без каких-либо причин вырвали из родных мест и привезли в эти бескрайние степи, то кто знает, что будет дальше?

Когда мы поближе познакомились с нашим новым окружением, то обнаружили, что это были люди в большинстве своем из дворян или бывших богачей. Среди них были представители таких знатных аристократических фамилий, как Ланские, Щербатовы, Урусовы, Нолькен, потомки генералиссимуса Суворова и другие, сын известного торговца, бывшего владельца крупных магазинов Елисеев, юрист Вистелиус, певец Рождественский и т. п. Но почему в этой компании оказались и мы, так и осталось навсегда загадкой.

Насколько я помню, мы уговорили отца написать личное письмо В. М. Молотову о постигших нас бедах, хотя уверенности, что такое письмо дойдет до него, было очень мало. Молотов, как рассказывал отец, немного знал его, как все студенты, которые учились в Политехническом институте, и иногда справлялся у директора института, когда тот бывал с отчетами в Москве, трудится ли еще заведующий канцелярией Сизов, и поручал ему передать привет. Сейчас трудно утверждать, что это знакомство и написанное письмо изменили наше положение, но и отрицать его роль в этом деле оснований нет.

Для того чтобы не платить неопределенно долго за нанятое жилье, мы снимали у одного местного жителя комнату, где ничего не было, кроме наших чемоданов и постельных принадлежностей, отец предложил купить старенький дом с небольшим огородом, что с общего согласия и было сделано. Мы, сыновья Лева, Витя и я, искали и устраивались на разные временные работы, чтобы как-то пополнять наш бюджет. Отец с мамой возились в огороде. Физический труд и постоянное пребывание на свежем воздухе благоприятно действовали на здоровье отца, отвлекали его от тяжелых раздумий, и он стал чувствовать себя лучше. Таким образом, летом 1935 года мы жили уже более устроенными и постоянно надеялись на изменения к лучшему. И наши надежды оправдались. Кажется, в июле или начале августа отца вызвали в местное отделение НКВД и сообщили, что мы можем уезжать, куда хотим, но предупредили, что ни его, ни маму в Ленинграде и Москве не пропишут — в те времена это называлось «минус два».

Старший брат Лева уехал первым, устроился жить и работать в Ярославле, там было интересовавшее его производство приборов. Витя сначала поехал в Николаев, но там был особый режим, и он перебрался в Горький, устроился на сормовском заводе. Получив от него письмо, что он снял у одного рабочего завода две комнаты — это был частный деревянный дом, — я с родителями тоже выехал в Горький, без сожаления оставив Семиозерное, в котором пришлось прожить почти полгода.

По приезду в Сормово мы были встречены очень гостеприимными хозяевами дома и устроились наконец-то по-людски. Красивый город, наши простые русские люди, хорошие магазины, чувство какого-то равноправия — все это очень волновало первые дни нашего пребывания, и все пережитое начинало казаться неправдоподобно далеким. Однако отец опять начал нервничать по поводу моего дальнейшего образования. По совету брата Вити и при его помощи начались переговоры с директором Горьковского индустриального института о моем поступлении на кораблестроительный факультет, так как факультета, аналогичного физико-механическому, в Горьком не было. Потребовалось почти полгода хлопот, чтобы в феврале 1936 года я смог начать учебу на третьем курсе кораблестроительного факультета. У всех на душе стало спокойнее.

Отец сначала устроился работать в сормовскую больницу, а позднее перешел на более знакомую для него работу — в канцелярию Авиационного техникума. Там он и работал до самого переезда в Ленинград.

Годы моей учебы прошли быстро. В 1939 году, 29 октября, я защитил дипломный проект. После короткой вечеринки с друзьями по группе, довольно поздно, я вернулся домой. Меня ждали мама и папа, брат Витя отсутствовал, где-то задержался. У родителей было приготовлено шампанское, и они с нетерпением ожидали моего появления. Когда были налиты бокалы, отец хотел что-то сказать, но прослезился и смог только вымолвить: «Ну теперь можно и умирать». Это было так искренне, так много говорило об исполнении его самой дорогой мечты, что я до сих пор, вспоминая этот вечер, переживаю все заново и испытываю глубокую благодарность своим родителям, так много сделавшим для своих детей.

Наступило время окончательно решать, где начинать работать вновь испеченному инженеру-кораблестроителю. По распределению я должен был работать на Гороховецкой верфи, где строились речные вспомогательные суда. Между тем еще летом я обращался в Главсевморпуть с просьбой принять меня в их систему. Это было вызвано тем, что меня интересовали суда ледового плавания и мой дипломный проект был посвящен этой же теме. Наконец, собрав все необходимые документы и получив диплом, я отправился в Москву, был представлен И. Д. Папанину, и мне предложили работать в Мурманске на строящемся тогда судоремонтном заводе. Я дал согласие и вернулся домой в ожидании официального вызова и направления. Родители мои, и особенно отец, не были в восторге от моего решения, но и не препятствовали его осуществлению. Отца очень беспокоило то, что суровые климатические условия севера плохо сказываются на здоровье людей. Он знал много примеров, когда люди возвращались оттуда, потеряв все волосы и без зубов, как следствие цинги. Но я был хорошим спортсменом, как раз в это время занимался боксом и надеялся, что сумею сохранить себя. Этим успокаивал отца. И все же родители, видимо, не чувствовали себя спокойно, так как уже через полгода, летом 1940 года, отец приехал ко мне. Он посмотрел, как я живу, где работаю, и уехал, как мне казалось, успокоенным. Правда, один эпизод его обеспокоил. Мой приятель по работе Саша Лукин, узнав, что ко мне приезжает отец, сказал, что нужно обязательно купить водки и закуски. Я это сделал. А когда мы троим сели за

стол в моей комнате, к этому времени я уже имел в коммунальной квартире отдельную комнату, Лукин поставил три граненых стакана, налил водку, и я заметил, как отца это покорило, и он спросил: «И часто вы так пьете?» Только тогда до меня дошло, насколько ему было неприятно видеть, что его сын, инженер — а отец очень высоко ценил это звание, которое в годы его работы в институте действительно имело значение и ко многому обязывало, — пьет водку стаканами! Сам отец в вопросах этикета был очень щепетилен, и, конечно, его крайне огорчила такая невзыскательность сына. К водке он почти не прикоснулся, наш «прием» был быстро завершен, и мы пошли с ним осматривать Росту (название заводского поселка), потом поехали в Мурманск. Вскоре отец уехал.

В конце 1940 года брат Витя с женой — он женился в тот год на Нине Коновой, сормовичке, работавшей с ним на одном заводе, — и родителями переехали в Ленинград. Жили они в здании общежития Кораблестроительного института на Кировском проспекте, бывшем Каменноостровском. Папа и мама, привыкнув к тому, что всю жизнь мы все были около них, видимо, сильно скучали по мне, и отец часто присылал мне письма, полные заботы и отцовской любви. Некоторые из них у меня сохранились, и их невозможно читать без глубокого волнения и запоздалого сожаления о том, как мало внимания мы уделяем своим родителям, особенно когда создаем свои семьи.

В одном из таких писем отец очень советует мне продолжать учебу, готовиться в аспирантуру и даже написал, что заветная его мечта — увидеть всех нас профессорами! А как ему хотелось, чтобы мы собрались все вместе около него! В письме от 22 мая 1941 года, которое начинается обращением «милый и дорогой мой Борюша», он так и написал: «Когда вы все у меня, я чувствую себя счастливейшим человеком в мире».

В июне 1941 года я получил очередной отпуск и приехал к родным в Ленинград. Ехал я одним поездом с моей будущей женой, Ирой Архиповой, с которой мы вместе работали в конструкторском бюро завода, с ее братом Володей и мамой, они тоже ехали в отпуск, только в Таганрог. Еще в поезде мы договорились вдвоем навестить моих родителей, для чего после прихода поезда я поехал узнать, где они, так как их точный адрес я не знал, а с Ирой договорились, где мы встретимся. К сожалению, встреча с родителями не состоялась, оказалось, что отец заболел рожистым воспалением, а это очень заразная болезнь. Так мы и расстались с Ирой и ее семьей, как мы думали, до конца отпуска.

Внезапно все планы на отдых и встречу в конце отпуска нарушила начавшаяся война. Буквально через три дня я уже возвращался на завод, оставив всех в большой тревоге.

Мое свидание с отцом было очень непродолжительным. Болезнь не позволяла ему свободно передвигаться, он был крайне взволнован начавшимися военными действиями и нашей судьбой, так как хорошо знал, что такое немецкая армия, да еще воспитанная фашизмом. Я не знал, что вижу отца в последний раз, да и сама война еще не дошла полностью до сознания, и поэтому наше расставание было каким-то поспешным и малозначительным. Только позднее, когда мы ощутили истинную опасность происходящего, когда я стал получать из Ленинграда тревожные письма, в душу вселилось все возраставшее беспокойство.

По-видимому, зная, что Ленинград уже в кольце блокады, отец в своем последнем дошедшем до меня письме, датированном 18 декабря 1941 года, писал мне, не могли ли я через какие-нибудь организации оказать содействие в том, чтобы ему с мамой, как написано в письме, «частью на самолете, частью по железной дороге, попасть к вам», то есть к нам, в Мурманск. Помню, что, получив письмо, я разговаривал с на-

чальником завода Эрманом и главным инженером Симковым. В тот период я был начальником доков, доковое хозяйство было на правах цеха, и оба руководителя завода относились ко мне с симпатией. Однако посоветовать в части помощи отцу они ничего не смогли. Больше того, никто толком ничего не знал, что же на самом деле делается в Ленинграде. Когда до меня дошло это последнее письмо, никакой связи с Ленинградом у нас уже не было. Наступило тягостное ожидание.

Теперь, когда я пишу эти строки, мне все кажется, что я не все сделал, что было возможно. Может быть, надо было обратиться в обком партии, правда, я еще не был членом КПСС, идти к военному командованию, хотя я был гражданским человеком. В то же время судьба самого Мурманска далеко еще не была решена. И завод, и его люди готовились к крайним мерам, если начнется новое наступление немцев и Мурманск будет оставлен. Готовилось уничтожение завода, уход личного состава в восточные районы Кольского полуострова. Возможно, что столь напряженная обстановка и удерживала меня от более настойчивых действий.

Развязка наступила после длительного молчания родных. В апреле 1942 года я получил телеграмму от мамы из Горького, что папа умер 27 февраля в госпитале на станции Котельнич, после эвакуации через Ладожское озеро, а она сама и брат Витя лежат больные в результате дистрофии. В конце было написано: «Помоги, чем можешь». Этот призыв толкнул меня на единственно возможный в то время шаг: обратиться к Папанину, появившемуся в Мурманске в связи с начавшимся подходом транспортов союзников. Папанин проявил большое участие, написал необходимые письма и командировку, благодаря которым мне удалось добраться до Горького, помочь родным и привезти маму с собой в Мурманск.

Итак, отца не стало. Теперь, когда со дня его смерти прошло много лет, а я и брат сами стали уже стариками, утрата отца все еще вызывает чувство ее безвременности. С уходом его из жизни ушел не просто человек-отец, а умный, любящий, очень тактичный учитель жизни, свидетель самых лучших, самых романтических лет отрочества и юности, большой друг в годы возмужания. Ни мы отцу, ни он нам, своим детям, никогда не говорил высокопарных слов о своих чувствах к нам, никогда не старался проникнуть и тем более вмешиваться в наши личные и интимные дела. Но мы всегда знали и чувствовали, что ради нас, ради нашего благополучия он, собственно, и жил.

Теперь, когда мы так часто сталкиваемся в нашем обществе с невоспитанностью, грубостью, отсутствием чувства собственного достоинства, утратой чувства чести, как собственной, так и фамильной, невольно вспоминаешь слова отца: «Поступить плохо я не могу, потому что я Сизов!» Отец был знаком с очень многими людьми, в то же время он был очень разборчив в своих знакомствах. Не случайно поэтому, что все, кто знал отца, уважали его и были очень высокого о нем мнения.

Заканчивая свой краткий очерк, а вернее, справку об отце, я, естественно, далеко не исчерпал все, что еще известно о нем. Да такую задачу я и не ставил. Мне хотелось только, чтобы наши дети и внуки, прочитав написанное, узнали, что они потомки людей трудолюбивых, дороживших крепостью и порядочностью своих семей, постоянно стремившихся к высоким жизненным идеалам. И если написанное поможет им самим идти дальше такими же путями, мы, уходящее поколение, будем считать свой долг выполненным. Очень было бы хорошо, если бы другие члены нашей семьи продолжили и расширили сбор и повествование хотя бы самых кратких семейных сведений и сохранили эту традицию впредь.

*Публикация подготовлена
Ларисой Шахворостовой*